

Ирина Сергеевна Китова родилась в городе Камышин Волгоградской области, школьное детство прошло в Латвии, проживает в рабочем посёлке Базарный Карабулак Саратовской области. Поэт, юрист, государственный служащий, член Союза писателей России. Публиковалась в журналах «Волга — XXI век», «Сура», «Дрон», «Формаслов», «Дружана», «Северо-Муйские огни» и др.

Ирина Китова
Р.п. Базарный Карабулак
Саратовской области

бабушке

В сердце сладкая оскоми́на...
Как вчера
помню, пелись «Подмосковные
вечера».
На окошке – связка маленьких
окуней,
и трепал пододеяльники
суховей.
Руки бабушкины белые
на ветру –
по верёвкам пальцы бегали
вместо струн.
И лилась, лилась мелодия
в тополя!..
И вдыхался запах Родины
и белья...

Много лет прошло, а верится –
у плетня
ждёт небесная Медведица
и меня
и в ковше потёртом стареньком
без затей,
напевая, варит маленьких
окуней.

Я говорила, что печали нет.
В моё окно струился чистый свет,
А за окном зима звенела стужей.
Кричали по округе воробьи,
Мол, верь-не-верь, а только полюби –
Глоток тоски, как воздух, сердцу нужен.

Причуды птичьи, глупые слова...
А что печаль? Она пришла сама,
Как оттепель – непрошено, неожиданно,
Как будто в глубине моей реки
Неровным пульсом тонут поплавки,
Чужой рукою пойманные жадно.

Так тайное вершилось воровство.
И глаз, и душ случайное родство,
И жар в крови, и птичий страх неволи...
И удивлённо нам смотрели вслед,
И говорили, что печали нет.
А что любовь? То выдумали двое.

Мотыльки

Мы говорили по душам,
И тысячью свечей
Пылал разбуженный каштан,

Подлунный и ничей.

Казалось, долгие века
Вмещал окрестный двор
И тень ночную, и жука,
И этот разговор.

И мать над нами высоко
Поила малыша,
И проливалось молоко
Из звёздного Ковша

На листьях сумрачную вязь,
Где бледный луч не гас,
И мышь летучая, кружась,
Высматривала нас.

Она – хозяйка этих мест,
Черны её зрачки...
И грозен век, и ночь окрест,
И мы в ней – мотыльки.

Гроза

А ночь была темней
гранатового сока.
Под стоны тополей
гроза пришла с востока –

металась на крыльце,
гремела по округе,
в космический прицел
поймала ржавый флюгер.

В плену нездешних мук,
во тьму вонзала строчки

и разрыдалась вдруг
над яблоней в сорочке...

Стекая по ручьям
оборванных соцветий,
стихая и ворча,
до первого луча
метала междометья.

Балтика

Вплеталось море в Куршскую косу –
тугой волной, атласной синей лентой,
и отзывалось ветренное лето
на голоса и шорохи в лесу.

Мы шли вдали от пляжей городских.
Там были до небес такие сосны!..
Из детства моего, из девяностых,
из той пристывшей намертво тоски.

Там лодка в берег пенистый вросла,
и души дюн язык poznали рыбий,
и мы услышать, кажется, могли бы
глухие тайны старого весла.

А море... море, может, в первый раз
вошло в меня, огромное, живое,
пронзило будто раной ножевою,
слезой солёной брызнуло из глаз...

Не надо мне на память янтаря.
Верни покой в мой сон о Рижском взморье,
чтоб я могла своё лелеять горе –
о нём с любовью детской говоря.

После душных палат – и метель горяча.
Ей привычно, домой торопясь по ночам,
быть прозрачной и ветреной даже слегка
и печали вдыхать – выдыхать облака...

И скользит меж домов, не от мира сего,
по пустыне болезненно-белых снегов.
Дома – кошка у ног. И не спится пока –
будет что-то читать, выдыхать облака.

Утром снова метель, и будильник – на шесть.
За порогом – забот, как снежинок, не счесть,
как в палатах больничных – простуд и ангин.
Очень просто до срока дожить до седин.

Вот квартирная дверь, по привычке ворча,
отворяясь, выпускает с метелью врача.
«На ночь пить аспирин и стакан молока», –
и в болезные стены вдохнёт облака...

И бежит меж домов, не от мира сего,
по пустыне болезненно-белых снегов.
И простая забота её велика –
над постелью больного держать облака.

Вот и сумерки-холода
обживаются в терему.
Гаснет утренняя звезда.
Сад осенний дрожит в дыму –
ветры треплют его парчу,
все печали земли будя.
Заунывные заучу
пьесы клавишные дождя...
У кого-то из камня дом,

на перинах – луны печать.
В терему моём лубяном
можно прелым теплом дышать.
Можно в нём до весны уснуть,
до проталины, до грача.
В терему моём – млечный путь
и калиною сны горчат,
и соседство чужих планет,
и по сотам разлитый мёд...
На застенчивый сухоцвет
сонно яблоко упадёт.
Я тропинки мести возьмусь
и проветрю в саду бельё.
Вспомню радость, приемлю грусть.
В этой осени – всё моё.

Хотелось мне – ни морока, ни лада,
А лишь пыльцы нездешней звездопада.
Но оказалось – ничего не надо.
Как оказалось, ничего не надо...
А только б ты любимым назывался
И приходил, и в дверь мою стучался,
А с тёплых губ лилась твоя печаль.
И я бы нам заваривала чай.

Мы в обмороке стен прожить могли бы
И в глубине ночной скользить, как рыбы,
Запутываясь в сети фонаря.
А утром, в тишине, куда спим мы,
На белый подоконник и на спины
Стекала б с крыши жёлтая заря.

Времена

Хорошо, когда у каждого – дом,
с пыльным фикусом и сытым котом.
Это то, что понимаешь потом
навсегда.

Дышит облаком, а стены – гранит.
Обнимая, дом с тобой говорит,
если треснутое сердце кровит,
вот беда...

Этот ветер пустословий и лжи
просквозил зачем твои этажи?
Не тужи, воды сырой одолжи –
на ведро.

Отмолю-отмою ветхий уют,
пусть на сердце сквозняки заживут.
Наложу печали временный жгут
под ребро.

Помнишь, дом, мужей моих имена?
Я прощаю их. Текут времена...
И неизвестно, что завтра война
принесёт.

И спасаясь от соседской хулы, –
пожалеть твои пустые углы.
Просто верить. Просто вымыть полы.
И всё.